

утверждение разрабатываемой им концепции конвергенции культур. В его судьбе произошло соединение двух культур — русской и американской. Он мыслил интегрально, соединив традиции русской и американской наук.

1. Сорокин П. А. Моя философия -- интегрализм // Социс. 1992. № 10.
2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Ю. И. Мирошников
Екатеринбург

СТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Уже начиная с античности, все европейские мыслители постоянно пытались создать и углубить свои представления о структуре человеческого сознания, выделить главные его элементы. «Анализируя человеческую душу, — пишет К. Поппер, — и, выделяя в ней три составные части (разум, волю и животные инстинкты), соответствующие трем существующим в его государстве классам (правителям, воинам и рабочим, из которых последние, выражаясь словами Гераклита, «обжираясь как скоты»), Платон доходит даже до противопоставления этих частей друг другу, как если бы они были «врагами»»(1). Аристотель в «Никомаховой этике» также полагает, что у человека есть три силы души, «главные для поступка и для истины: чувство, ум, стремление»(2). Ниже Стагирит делает такое замечание: «Удовольствие — это все-таки не мысль и не чувство (это было бы нелепо), но из-за того, что удовольствие не отделяется от мысли и чувства, некоторым кажется, что они тождественны»(3). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Аристотель (и не только он один среди античных философов) не отождествляет сенсорную чувственность с чувственностью эмоциональной.

В письме Эпикура к Геродоту находим следующее положение: «Следует все наблюдать согласно с чувственными восприятиями (ощущениями) и, в частности, согласно с наличною возможностью постижения — посредством ума, или какого бы то ни было орудия суждения, а равно согласно с имеющимися аффектами, для того чтобы мы имели что-нибудь такое, на основании чего могли бы судить и о предстоящем и о сокровенном»(4). Для суждения о сокровенном одного ума мало, нужен аффект. «Демокрит считал удовольствие и неудовольствие показателями полезного и вред-

ного...»(5). Так уже в античности складывается представление о тройственном делении души на мышление, опирающееся на сенсорную чувственность и отвечающее за познавательный процесс, волю — основу целеполагания и эмоциональную чувственность, позволяющую человеку постигать полезное и вредное, сокровенное и обыденное, доброе и злое, трагическое или комическое и т. д.

В античности же складывается схема телесной локализации душевных сил: средоточием мысли признавался головной мозг, воля привязывалась к печени, а эмоциями распоряжалось сердце(6). Аристотель в «Метафизике» упоминает о споре между разными мыслителями о начале формирования человеческого тела: «Одни полагают, что это сердце, другие — мозг, третьи — какая-то другая такого рода часть тела» (7).

Элементы сознания никогда не воспринимались как рядоположенные. Сократ, Платон, Аристотель заложили традицию рационализма, т. е. приоритет в сознании они отдавали разуму — «кормчему души», «возничему в колеснице души». Основная проблема рационализма вытекает из взаимоотношений сенсорной чувственности (показаний органов чувств) и разума. Античный философ считал законными лишь разумные аргументы, представитель толпы апеллировал к показаниям органов чувств. Позднее разум и чувственные восприятия были признаны двумя ступеньками человеческого познания.

Тройственная структура души человека во всех дальнейших интерпретациях сохраняется как инвариант, хотя вопрос о соотносительной важности разума, воли и эмоций решался с позиций рационализма, сенсуализма, волюнтаризма или эмотивизма. Так, утверждавшийся в средневековой идеологии «принцип сердца» (вариант эмотивизма) объявил средоточием всей духовной жизни сердце — орган, занимающий срединное положение в теле человека. Эта давняя идея о том, что сердце является органом всех духовных функций человека, адекватно изложена в одной из работ В. Ф. Войно-Ясенецкого (Святитель Лука). «О сердце речь идет, чуть ли не на каждой странице Библии, и впервые читающий ее не может не заметить, что сердцу придается значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий. И больше того: сердце, по Священному Писанию, есть орган общения человека с Богом, а, следовательно, оно есть орган высшего познания»(8).

«Принцип сердца» обозначил смысловой поворот от интеллектуализма античности к христианскому эмотивизму, который, в конце концов, проявился в том, что верховенство в сознании, в духов-

ной жизни было отдано эмоциональной сфере — вере, надежде, любви. Сущность человека не в способности к познанию, а в способности к любви. «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто»(9).

Христианство поставило ценностные отношения в основание своего мировоззрения. «Примечательно, что именно в эту эпоху (средневековья — Ю. М.) в философский обиход входит понятийная триада «Истина, Добро, Красота...»(10). Светская философия Нового времени отвергла мысль о сердце как средоточии всех функций сознания, но признала, что оппозиции интеллекта и пафоса (темперамента), мышления и эмоциональной чувственности, познавательного и оценочного имеют не менее важное значение, нежели соотношение разума и показаний органов чувств. Двойственность «головы» и «сердца» как сил человеческого сознания была усвоена всей европейской культурой. К примеру, большинство французских просветителей, которых никак не заподозришь в следовании христианским идеалам, говорят о сердце, имея в виду эмоциональную сферу человеческого сознания. «Разум не может признать ничего иного, кроме того, что ему представляется истинным; сердце не может любить ничего иного, кроме того, что ему кажется добрым — пишет Д. Дидро(11).

Романтический марксизм первых лет советской власти тоже исповедует «принцип сердца», но понимает его как элемент классового сознания. «Тот, кто действительно принцип любви провозглашает не только устами, но и сердцем и кто вместе с тем проник во внутреннюю механику нынешнего положения человечества, тот, конечно, знает, что в наше время великая любовь без великой ненависти невозможна, что великая любовь без великой самоотверженности невозможна»(12). Символическое обозначение словом «сердце» эмоциональных переживаний человека в советской философской литературе сохранялось всегда. «Общепризнанно, — писал уже в 80-е годы Н. З. Чавчавадзе, — что культура — это то (хотя и не все то), что создано руками, умом и сердцем человека и делает человека человеком»(13).

Волевая сфера закрепляет свои позиции среди сущностных сил человека в философии И. Канта как способность желания. «Все силы или способности души могут быть сведены к трем, которых уже далее нельзя вывести из общего основания: познавательная способность, чувство удовольствия и неудовольствия и способность желания» (14). Способность желания (волю), Кант связывает с целеполаганием, а основаниями целей безусловных

человеческих стремлений считает нравственные, эстетические и логические ценности (идеалы). Шопенгауэр, (а затем и Ф. Ницше), делает волю одним из главных принципов своего философского учения о мире. Так формируется волюнтаристическая трактовка соотношения основных духовных сил человека.

Если эмотивистская интерпретация способностей сознания заставила обратить внимание исследователей на связь познания с оцениванием, то волюнтаризм предлагает рассматривать поиски истины и процесс оценивания через призму целеполагания. В деятельности человека все способности его сознания переплетаются и влияют друг на друга. «Есть только одна страсть, не ослепляющая рассудка, и это — страстная любовь к истине, — утверждал К. Д. Ушинский. — Но так как самая страсть к истине может быть развита только волею ..., то вот почему воспитание сильной воли еще необходимее для ученого, чем для практического деятеля» (15).

Как исследователя-философа молодого К. Маркса, автора «Экономическо-философских рукописей 1844 года» заинтересовали человеческие чувства. Он их относил к сущностным силам человека и утверждал, что «не только в мышлении, но и всеми чувствами человек утверждает себя в предметном мире» (16). «Страсть — это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека» (17).

Советская философская литература не отвергала традиционное представление о структуре сознания, но главные ее усилия, согласующиеся с установками рационализма, были направлены на исследование мышления, интеллектуальной деятельности, а если сказать более конкретно, то научного познания. «Понятие «сознание», — написано в известном учебнике чл.-корр. РАН М. Н. Руткевича — шире понятия «мышление», поскольку осознание человеком своего духовного «Я» происходит не только в мышлении, но и в иных формах психической деятельности — в образных представлениях, эмоциональных переживаниях, волевом напряжении, сопровождающем действие и процесс мышления. Все эти виды психической деятельности у человека связаны с мышлением» (18).

1. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 115.

2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 173.

3. Там же. С. 277.

4. Эпикур приветствует Геродота // Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 182.

5. Грот Н. Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб., 1879 1880. С. 146 147.
6. См., напр.: Чикин С. Я. Врачи философы. М., 1990. С. 33.
7. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 145.
8. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 1999. С. 32-33.
9. I Кор 13:2.
10. Коган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 11.
11. Дидро Д. Нетерпимость // Осадная башня штурмующих небо. Л., 1980. Сравни, напр.: Вольтер. Простодушный // Избр. произв. М., 1947. С. 191-192; Монтескье Ш. О духе законов // Избр. произв. М., 1955. С. 367.
12. Луначарский А. В. К юбилею Л. Н. Толстого // Луначарский А. В. и др. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 194.
13. Чавчавадзе Н. З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984. С. 21. См. также: С. 37, 45.
14. Кант И. Критика способности суждения // Соч. В 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 175.
15. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 1. // Собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М., 1950. С. 627, 628. Сравни, напр.: Бердяев Н. А. Философия свободы // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 61.
16. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М., 1974. С. 121.
17. Там же. С. 164.
18. Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 169.

Н. Ю. Мочалова
Нижний Тагил

УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Всякий мыслящий человек, глядя на современные тенденции развития общества, становится пессимистом. Вступление в технический универсум деятельности поставило перед человеком проблему — регламентировать безудержность самой этой деятельности.

Научно-техническая деятельность становится все более самоценной. Повсеместное применение машин в сфере трудоемких технологий привело к утрате человеком реального мастерства и умения. Применение компьютерных технологий в область умственной деятельности приводит к утрате индивидуальной сообразительности, к отупению мышления. Так постепенно без техники человек становится ничем. Речь идет не об активном субъекте познания, деятельности, общения, а о техническом придатке, причем, иногда весьма сомнительного качества.